ВЕЛИКИЙ СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ВЕРНЫЙ СТАЛИНЕЦ

Во времена революционного подполья, мы, революционные марксисты рабочие, на вес золота ценили ту легальную литературу, с помощью которой возможно было вести пропаганду, воспитывать чувства протеста, ненависти к самодержавно-помещичьему строю, к капитализму.

Поэтому произведения Алексея Максимовича Горького имели для нас огромное значение. Они звали к революционной борьбе, воспевали мужество, отвагу, самоотверженность, гордое чувство человеческого достоинства.

Читая «Песню о соколе», мы удивлялись близорукости царской цензуры, пропустившей ее в печать. Разве только мертвый или неизмеримо низкий и трусливый раб мог не загореться гневом и жаждой борьбы, когда большевистские агитаторы раз'ясняли скрытый смысл этой песни.

В своих произведениях Горький бичевал жадность, трусость, подлость, тупость, обывательщину и мещанство, все пороки капиталистического общества. Мы, революционные рабочие, сразу признали его своим, сразу решили, что он наш, пролетарский писатель, ибо он боролся за свободу трудящихся и подымал их веру в свои силы.

Человек!—это звучит гордо. Эти замечательные слова вдохновляли нас на битвы с эксплоататорами.

Горький был подлинным рыцарем гуманности, рыцарем без страха и упрека. Он не переносил дикого насилия над слабыми и один бросился против озверевшей толпы, которая любовалась публичным истязанием обнаженной молодой женщины, запряженной в телегу рядом с лошадью.

На всю жизнь в моей памяти запечатлелись встречи с Горьким. Помню, как он длительно экзаменовал, изучал меня в начале нашего знакомства. Он расспрашивал меня по каждой, известной ему, оказанной мною фразе, слову, во время сормовской политической рабочей демонстрации 1 мая 1902 года. Он настойчиво хотел знать не только о мотивах моего поведения на сормовской демонстрации, на суде, но и целый ряд подробностей моей личной, интимной жизни.

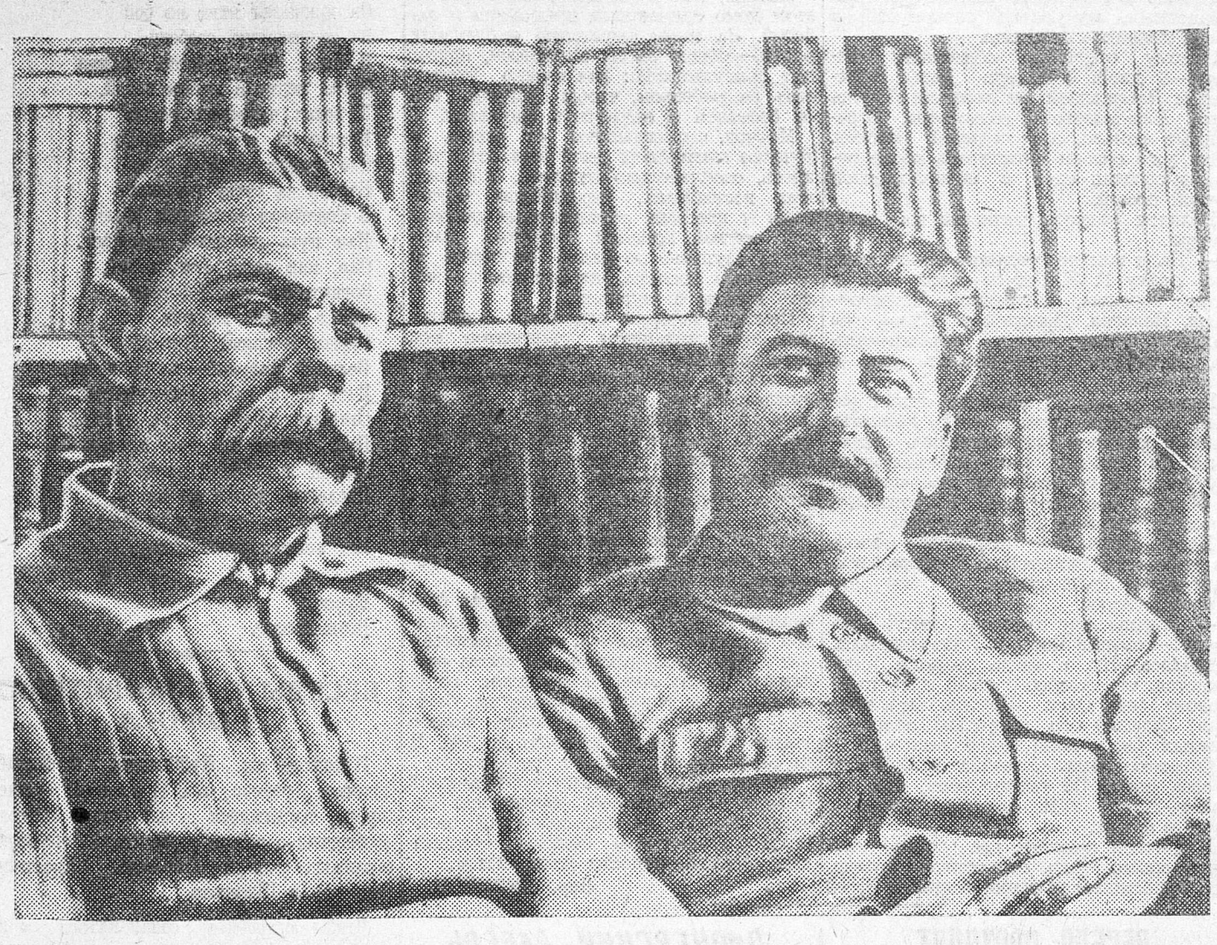
В течение нескольких дней я рассказывал ему о моей жизни, революционной борьбе, о моей семье, об отце и матери.

Я бережно храню в своей памяти светлый образ буревестника пролетарской революции — Алексея Максимовича Горького, горячо любившего советскую страну и ее многонациональный народ, образ великого борца, страстно ненавидевшего врагов всего прогрессивного человечества — фашистских бандитов. И вполне понятна та звериная ненависть, которую питали к Горькому враги социализма.

Подлые агенты фашизма, гнусная право-троцкистская банда убила великого советского писателя, верного сталинца, любимого всем народом Максима Горького. Мы никогда не забудем этого злодеяния. За жизнь наших замечательных людей враги заплатили своей головой.

Светлая память об Алексее Максимовиче Горьком будет вечно жить в сердцах трудящихся всего мира.

П. А. ЗАЛОМОВ
(герой повести А. М. Горького «Мать»).



Товарищи И. В. Сталин и М. Горький. (Снимок сделан в 1931 г.).

М. ГОРЬКИЙ

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и—тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике—жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей,—стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут,—им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн об'ятьем крепким и бросает их с размаха в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон,—гордый черный демон бури,—и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома,—чуткий демон,—он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца,—нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!

ВСТРЕЧА В КУРСКЕ

Впервые с Алексеем Максимовичем я встретился в начале июля 1928 года в Курске, куда он приехал навестить известного изобретателя-самоучку Уфимцева.

Рано утром в редакции «Курской правды» собрались все начинающие писатели г. Курска.

Спустя некоторое время, мы направились на квартиру Уфимцева, где ждал нас Алексей Максимович. Он только что окончил утренний чай, увидев нас, приветливо улыбнулся и расположился вместе с нами на бревнах, сложенных во дворе.

Отношение Алексея Максимовича к нам было такое, как будто мы были уже давно знакомы и благодаря этому наше первоначальное смущение и робость быстро исчезли—завязался теплый, дружеский разговор.

Алексей Максимович внимательно выслушивал нас и отвечал на все вопросы просто, ясно и убедительно.

Этому человеку хотелось открыть все свои сокровенные думы, всю свою душу. Алексей Максимович говорил нам о жизни и творчестве наших пролетарских поэтов и писателей, он говорил о том, как много надо учиться, читать и работать над собой, чтобы стать подлинно пролетарским, советским писателем.

Прощался Алексей Максимович с нами очень душевно. Его крепкое, дружеское пожатие руки, теплый взгляд оставили у каждого из нас незабываемое впечатление.

Эта встреча останется у меня в памяти на всю жизнь.

В. ИВАНИЛОВ.

ГОРЬКИЙ И ТЕАТР

(ВОСПОМИНАНИЯ)

«Пинчаны и гагары» — «рассейские» обыватели 90-х годов прошлого столетия, боязливо прятавшие головы в пуховые перины своего мещанского благополучия, были вдруг встревожены раздавшимся по всей России криком горьковского «Буревестника», звавшего народ на революционную борьбу с самодержавным, прогнившим насквозь, строем.

Уже в то время популярный пролетарский писатель М. Горький прекрасно понимал роль театра, как чудесной трибуны, с которой он мог звать к революционной борьбе, разоблачать мещанство, осмеивать клюнчащую, бесхребетную, хлопающую интеллигенцию, показать, в противовес этой интеллигенции и мещанам, здоровых духом и готовых к революционной борьбе пролетариев.

Максим Горький пришел со своими драматическими произведениями к «бунтарям искусства», к К. С. Станиславскому и Вл. Ив. Немировичу-Данченко. Он пришел в Московский Художественному **Общедоступному** театру.

Общедоступность этого театра больше привлекала Горького, чем императорские казенные театры, на сцену которых, конечно, ни одна из пьес Максима Горького не была бы пропущена цензурой.

А в репертуаре Художественного театра была уже одна этакая «подпадзорная» пьеса. Это — «Доктор Штокман» Ибсена, ставившаяся театром в 1900—1901 гг.

Революционная мысль, бурлившая в народе, перекликалась с театром, в который пришел Горький.

Как же насторожилось правительство в лице своих цензоров, когда в списке предполагаемого репертуара театра появились названия горьковских пьес: «Мещане» и «На дне»!

Пьесы еще не были готовы, театр торопил Алексея Максимовича скорее их закончить, а Горький жаловался на действующих лиц своих пьес: «Понимаете ли, какая штука, — обступили меня все эти мои люди, толкаются, пихаются, а я не могу ни усадить их на места, ни помирить между собой. Право! Все говорят, говорят и хорошо говорят, хоть остановить!».

Генеральная репетиция и первые представления «Мещан» совпали с гастролями Художественного театра в Петербурге. Сезон 1901—1902 года. Время—тревожное. Горький тогда был под надзором полиции. Эта же полиция следила за каждым шагом «художественников». Пьесу к постановке не разрешали. Начались клопоты и торговля с цензорами за каждое слово. Боясь, чтобы не получилось намека на царствующий дом, цензора настояли заменить слова «жена купца Романова», словами «жена купца Иванова». После долгих усилий пьесу разрешили (с цензурными купюрами!) только для абонементных спектаклей.

И опять постыдный курьез со стороны правительства, боявшегося каждого слова М. Горького: ввиду того, что на абонементные спектакли дирекция театра пропускала на галерку студенческую молодежь бесплатно, градоначальник сделал распоряжение на одном из представлений «Мещан» заменить проверяющих билеты капельдинеров городовыми.

Театр во время представления «Мещан» был заполнен усиленным нарядом полиции. Перед театром, на площади, раз'езжали конные жандармы.

Второй пьесой М. Горького, поставленной Художественным театром, была «На дне». Здесь талант Алексея Максимовича сказался во всей силе.

Мне выпало на долю необычайное счастье быть занятым в этом спектакле в роли «босяка», в тоне. И я имел возможность в продолжении четырех месяцев наблюдать всю работу режиссеров, и актеров, и самого автора над этим чудесным спектаклем.

Спектакль имел потрясающий успех. Кроме исполнителей вызывали без конца и автора. Исполнители охотно выходили на вызовы, а сам автор прятался, чтобы его не нашли и не вывели на сцену. Наконец, во время третьего акта его удалось «заговорить» за кулисами и по окончании акта силком вывести на сцену, где он и предстал перед публикой в окружении всех артистов и рабочих театра. Горький вышел, смущенный успехом, с папиросой в зубах, забыв, что нужно ее бросить и кланяться зрителям.

* * *

1905 год.

В Москве — вооруженное восстание, в Художественном театре идет премьера новой пьесы Алексея Максимовича — «Дети солнца».

Вот она уже грянула — настоящая Революция!

Алексей Максимович весь ушел в борьбу: его можно было видеть на митингах в консерватории, в первых рядах процессии на похоронах убитого черносотенцами Баумана, под развернутым поперек всей Никитской улицы красным знаменем.

* * *

На сцене советского театра драматургические произведения великого писа занимают по праву почетное место «Мещане», «Враги», «Егор Булычев са Железнова» и другие пр пьесы особенно любимы советски лем.

Замечательное творчество Мак кого, его прекрасная жизнь борц ду коммунизма служат «живо ром, призывом гордым к свободе, ту!»...

Выражая общую мысль всего со народа, В. М. Молотов в своей ре Красной площади, во время похорон сея Максимовича, сказал: «После Лен смерть Горького самая тяжелая утрата д нашей страны, для человечества».

Весь советский народ поднялся в гневе, когда узнал, что великий советский писатель — Алексей Максимович Горький убит фашистскими извергами из право-троцкистского блока.

Советский народ стер с лица земли кровавых убийц. «Если враг не сдается, его истребляют» — эти слова Горького служат грозным предупреждением тем, кто вздумает посягнуть на счастье народа, живущего на счастливой советской земле, озаряемой лучами Сталинской Конституции.

Заслуженный артист Республики
А. И. КАНИН.

А. М. ГОРЬКИЙ

Горький писал о Ленине: «Владимир Ленин умер. Наследники разума и воли его—живы. Живы и работают так успешно, как никто, никогда, нигде в мире не работал».

К Сталину Горький был так же горячо привязан, как и к Ленину. Сталина он называл «человеком огромного сердца и ума». Он был горд, что живет «в стране, освященной гением Владимира Ильича Ленина, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина». Горький знал, что своими великими победами мы обязаны «мудрости политики **Иосифа Сталина**, который руководит всеми нами».

Троцкистско-бухаринские агенты капитализма, поднявшие руку на Ленина, фашистские гады, замышлявшие убийство Сталина, убили великого писателя Горького. Они убили его за то, что он был верным другом Ленина и Сталина, пламенным борцом за дело коммунизма, безжалостным и беспощадным к врагам народа.

Один из главарей антисоветского «право-троцкистского блока» предателей, шпионов, убийц—Рыков на предварительном следствии показал: «Мне известно, что Троцкий через своих представителей в контактном центре всячески разжигал злобные настроения в отношении Горького. Это, естественно, об'ясняется тем, что Троцкому было хорошо известно, что Горький считает его проходимцем и авантюристом. С другой стороны, общеизвестна близость Горького к Сталину, и то обстоятельство, что он является несгибаемым политическим сторонником Сталина, вызывало злобное отношение к нему нашей организации».

Изменники и предатели убили Горького, как до этого убили его сына, которого он любил, который был его другом, которому он посвятил свою замечательную повесть «Детство».

Горький жил бы еще, его слова поразили бы фашистов и их троцкистско-бухаринских наймитов. Горький ненавидел мир капитализма, ненавидел прошлое, из которого страна наша была вырвана великой партией Ленина—Сталина. «Ненавижу прошлое, и ненависть моя часто не находит достаточно емких, твердых слов», — говорил Горький. Он знал, что силы старого мира в борьбе с социализмом прибегают к самым черным средствам. Предателей Горький клеймил словом огненной ненависти. О предателях, пытающихся повернуть колесо истории назад, в проклятое прошлое, он писал: «Они, конечно, людишки значительно изопренного интеллекта, обладают хорошо развитым умением лгать и, когда нужно, не плохо умеют притворяться искренними друзьями «народа».

Горький отлично знал, до каких пределов подлости могут дойти фашистские наймиты—эти человеческие отбросы капиталистического мира. В 1935 году, после злодейского убийства С. М. Кирова, Горький писал: «Человек—«венец природы» и «звучит гордо», это — неоспоримо, но также неоспоримо, что он бывает мерзавцем, убийцей вождей пролетариата, предателем родины, изумительным лицемером, врагом рабочего класса, шпионом капиталистов,—в таковых его качествах он подлежит беспощадному уничтожению».

В романе «Жизнь ненужного человека», написанном в 1908 году, Горький дал незабываемый портрет подленького человека, шпиона и провокатора: «Га-адина!»,—отзывается рабочий-столяр о Евсее Климкове, главном персонаже этого романа.

Гадина—это шпики царской охранки, гадина—это провокаторы всех мастей, гадина—это троцкие, бухарины, тухачевские, ягоды и прочие фашистские агенты. Все они—гадины, все они, извиваясь, не смеют смотреть прямо в глаза, все они лаяят в спину. Все они—наемные твари фашистских хозяев.

У этих гадин есть своя иерархия. Они злобно смотрят друг на друга, опасаясь, как бы кто-нибудь из этой банды не опередил других, не выскочил в «большие люди», в «министры». Они готовы перегрызть друг другу горло, лишь бы протиснуться в передние ряды. Эту гнусную психологию предателей Горький вскрыл и разоблачил в романе. Два мелких шпика с завистью смотрят на «крупную птицу», известного провокатора:

«Однажды Грохотов указал Евсею на улице одного из таких людей.

— Глядите, Климков!

По тротуару шел высокий плотный мужчина с белокурыми волосами. Волосы он зачесал назад, они красиво падали из-под шляпы на плечи, лицо у него было большое, благородное, с пышными усами. Одетый солидно, он оставлял впечатление важного, сытого барина.

— Вот какой!—с гордостью сказал Грохотов. — Хорош?..

— Да-а! — сказал Евсей, удивленный солидностью этого человека.

— Вот они какие, настоящие-то! — говорил Грохотов. — Он сам в министры годится, — имеет фигуру и лицо!»

Бандиты Троцкий, Рыков, Ягода, Тухачевский и другие имели ту же «фигуру и лицо»... Они были обер-шпионами, мечтавшими в министры, верными лакеями капитализма.

Горький понимал, что в предательстве выражается самая суть собственнического строя, что предатели—защитники собственнического мира. Они самые злые псы капитализма.

Всеми силами своей души Горький ненавидел угнетателей, эксплоатацию, ненавидел предателей, защитников эксплоатации и лютых врагов социализма.

С первых же своих произведений Горький восстал против собственнического свинства, против его волчьей морали, против изменников и предателей. С первых же своих шагов он противопоставлял миру загнивающего капитализма, миру хищников и эксплоататоров—другой мир, мир зреющей пролетарской революции, мир рабочих, мир большевиков, мир социализма.

Одним из наиболее ярких изображений борьбы за социализм является пьеса Горького «Враги».

Слова, идеи, чувства Ленина и Сталина принес Горький в литературу.

Горький—великий художник пролетариата, человек, с наибольшей силой выразивший в художественном слове волю класса, которому суждено спасти от капиталистического варварства весь мир.

Горький поднял знамя культуры пролетариата против выродившейся буржуазной культуры. Личным опытом своим и художественным творчеством он свидетельствовал о колоссальных преимуществах рождающейся культуры нового мира перед старой культурой хищнической буржуазии.

Как выразитель нового класса, как выразитель новой эпохи в художественном развитии человечества, Горький принес с собой новое слово в искусство. Он затянул на самое дно того ада, который был уготован сытыми и господствующими для голодных и угнетенных. Но он не пришел в отчаяние, не опустил бессильно рук. Он верил в лучшую, подлинно человеческую жизнь, которую принесет с собой социализм. Предвестия этой лучшей жизни он слышал в народной песне, в умных, хороших книгах, и самое главное, в замечательных людях, которые не могли мириться с неправдой, которые шли против нее в открытый бой, гордо борясь за право человека и его достоинство. Эти люди—рабочие, большевики.

Нараставшее в 90-х годах прошлого века пролетарское революционное движение в России вдохновило Горького на создание исключительного по силе цикла революционно-романтических произведений — «Буревестника», «Песни о соколе» и других.

В глубинах народа Горький нашел яркие личности, сильные характеры, людей, которые не согнулись, не потеряли способности к протесту в самых тяжких условиях. Вначале Горький рисовал босяков Челкашей, Мальв как стихийных выразителей такого протеста. А затем под влиянием марксизма, учась у большевистской партии, он понял, что самыми гордыми, самыми несгибаемыми людьми, восставшими за подавленные права всех обездоленных и угнетенных, являются революционные рабочие. Горький вывел в своих произведениях большую галлерею пролетариев, поднявшихся к революционной борьбе за дело своего класса, за дело всего человечества. Это — Павел из повести «Трое», это—рабочие во «Врагах», это—Нил из «Мещан», это—Власов и его мать Ниловна из «Матери» и многие другие.

Горький учился у Ленина. В ряде своих произведений он сумел выразить идею союза рабочего класса и крестьянства. В фигурах Павла Власова и Рыбина из романа «Мать» читатель видит образное воплощение этой ленинской идеи. Власов—рабочий, Рыбин—крестьянин, разбуженный революцией и большевистской пропагандой.

Горький прошел школу большевизма; он учился у Ленина и Сталина, он был их соратником в классовой борьбе. За это его не любили меньшевики, ненавидел Иуда-Троцкий.

Ленин и Сталин всегда относились к великому пролетарскому писателю с большой любовью, проявляли исключительную о нем заботу. Они необычайно высоко ценили художественное и идейное достоинство его произведений. «Горький,—писал Ленин,—безусловно крупнейший представитель **пролетарского** искусства... Горький—авторитет в деле пролетарского искусства, это бесспорно».

Горький—гордость русского народа, гордость всех народов СССР, гордость трудящихся всего мира. Фашистские наемники преждевременно отняли у него жизнь. Горький погиб на посту.

Фашистские убийцы из «право-троцкистского блока» продавали родину; они не остановились и перед тем, чтобы умертвить одного из величайших творцов ее культуры. Гитлер сжигает произведения Горького на кострах. Ягода и его приспешники, по приказанию Гитлера и его приказчика Троцкого, убили самого Горького.

Горький любил жизнь, любил человека. В «Рождении человека» (1912 г.) он писал: «Превосходная должность—быть на земле человеком, сколько видишь чудесного, как мучительно сладко волнуется сердце в тихом восхищении перед красотою!

Ну, да—порою бывает трудно, вся грудь наполнится жгучей ненавистью, и тоска жадно сосет кровь сердца...»

В годы социалистического строительства Горький всей силой своего могучего таланта славил советского человека, славил его великое дело, славил товарища Сталина и его соратников, которые «желают только одного, стремятся только к единой величайшей цели, чтобы всему трудовому народу Союза Социалистических Республик жилось легко, богато, разумно, весело».

Новые люди, взращенные партией Ленина—Сталина,—тема многочисленных статей и очерков Горького. С восхищением он говорил о героях и героинях труда—стахановцах. «Мы создаем условия жизни,—писал Горький,—в которых можно любить людей, не кривя душой,—любить за героизм их труда, за прекрасную их работу всестороннего развития и укрепления нашей родины, на которую точит зубы и когти издыхающее мещанство всех стран, на которую пролетарии всей земли привыкают смотреть, как на свое отечество».

Горький любил жизнь, любил людей. Именно поэтому он ненавидел врагов трудящихся, врагов социализма. Любовь и ненависть Горького—это единое чувство. Глубокой любовью к человеку проникнуты слова Горького: «Если враг не сдается,—его истребляют».

Эти слова великого русского писателя Горького—приговор его убийцам. Убийцы его выброшены в мусорную яму истории, а имя Горького будет жить в веках.

В. КИРПОТИН.